

ПОЭТИКА ПЕСЕННЫХ ТРАДИЦИЙ

УДК 398

ББК 82.3 (2 = Рус)

Концепт «зависть» в духовных стихах: специфика функционирования

Таисия Валерьевна Хлыбова

(независимый исследователь: Российская Федерация, г. Москва)

Аннотация. Концепт «зависть» в духовных стихах — особой жанровой системе русского фольклора — имеет свою специфику функционирования, что становится очевидным в результате сопоставления этих текстов с другими произведениями народного творчества, обиходной речью, зафиксированной словарями, и книжностью. Так, в письменной (рукописной, читной) и устной версиях духовного стиха о Борисе и Глебе по-разному представлен книжный мотив зависти как причины злодеяния Святополка, убившего святых братьев. Читные варианты активно используют соответствующую лексику и фразеологию («завидовать», «завистью исполнися», «завистию уязвися»), устные заменяют ее на «зло», «злобу», «злость». Автор видит причины такого несоответствия, во-первых, во влиянии исторических песен и баллад (либо обходящихся без мотивировок поступков своих героев, либо интересующихся политическими поводами для их противостояния), во взаимодействии с которыми устный стих бытовал. Во-вторых, в особенностях словоупотребления лексем «зависть», «завидовать» и однокоренных в русской народной культуре, которые сохранили архаическую связь с идеями подражания и усердия, рвения. Последнее обстоятельство повлияло и на их репрезентацию во всем корпусе народной духовной поэзии. Положительная семантика слов с этим корнем препятствовала их активному использованию для денотации негатива в фольклорных текстах и провоцировала привлечение с этой целью слов «злоба» и «жадность», обозначающих однозначно деструктивные эмоции.

Ключевые слова: духовные стихи, сюжет о Борисе и Глебе, обрядовая поэзия, литературные вирши, «зависть», «злоба».

Дата поступления статьи: 10 марта 2026 г.

Дата публикации: 30 июня 2026 г.

Для цитирования: Хлыбова Т. В. Концепт «зависть» в духовных стихах: специфика функционирования // Традиционная культура. 2026. Т. 27. № 2. С. 82–94.

DOI: <https://doi.org/10.26158/TK.2026.27.2.006>

Концепт «зависть» в духовных стихах — особой жанровой системе русского фольклора — имеет свою специфику функционирования. Некоторые выводы по этой теме сделаны мною в 2004 г. на основе анализа стихов о святых

Борисе и Глебе [Хлыбова 2004, 18–25]. К исследованию привлекались 24 известных к тому времени вариантов, часть из которых были «читными» — входившими в рукописные сборники, разного рода стиховники и т. п., а часть представляли

устную традицию, т. е. бытовали вне опоры на книжный текст. Сопоставление версий позволило заключить: в «рукописных» текстах используется обязательный для книги и гимнографии мотив зависти (враг рода человеческого, главный завистник Бога, внушил зависть Святополку, и тот решает убить братьев, чтобы завладеть всеми землями), а народный изустный текст видит источник преступления в злобности и помешательстве старшего брата. Причину существования такой закономерности помогает выявить сопоставление стихов с текстами других жанров фольклора и данными литературных и говорных словарей.

Как известно, в основе сюжета стиха лежит книга — это летописный рассказ, зафиксированный в Повести временных лет под 1015 г. — датой смерти кн. Владимира и драматических событий, связанных с мученической гибелью Бориса и Глеба; это «Сказание, страсть и похвала святому мученику Бориса и Глеба» анонимного автора и «Чтение о житии и погублении блаженную страстотерпцу Бориса и Глеба» преподобного Нестора, созданное для богослужебных целей. На основе этих текстов складывались церковные службы святым братьям, включавшие стихиры. Стихиры стали основой для «покаянных стихов», которые не входили в богослужебный канон, исполнялись монахами вне храма. Покаянные стихи, обрастая новыми деталями, формировали *духовные стихи*, которые и письменным, и устным путем покидали ограду обители и бытовали и у профессиональных исполнителей — калек переходящих, слепцов-бандуристов или лирников, и у мирян, исполнялись постом, в церковные праздники и т. д. [Петрова, Серегина 1988, 130–132; Словарь книжников 1989, 421–423; Серегина 1994, 85, 90; Иванова 2019, 92–94].

Связь устных и письменных (рукописных, читных) вариантов борисоглебского сюжета не подлежит сомнению. Но устные использовали арсенал традиционных

средств фольклора для передачи той или иной историко-богословской мысли, тиражируя идейно важные для церковной трактовки события элементы. Так произошло с книжным мотивом зависти — общим местом средневековых памятников, определявших этот порок как результат внушения человеку злых помыслов дьяволом¹ («бес попутал» — стандартная просторечная отговорка по любому поводу, связанному с преступлением).

В рассказе Лаврентьевской летописи об убийстве Святополком братьев есть толковательное отступление о бесах и ангелах, в котором сопрягаются важнейшие для понимания источников греха темы — зависть и злоба:

«Бѣси бо на злое посылаеми бывають. Ангелъ бо чловѣку зла не створяеть, // но благое мыслить ему всегда, паче же хрестяномъ помагають и заступають от супротивнаго дьявола; а бѣси на злое всегда ловять, завидяще ему, понеже видять чловѣка Богомъ почыщена, и завидяще ему, на зло слми скоры суть. Золь бо чловѣкъ, тшася на злое, не хужи есть бѣса; бѣси бо Бога боятся, а золь чловѣкъ ни Бога боится, ни чловѣкъ ся стыдитъ; бѣси бо креста ся боятъ Господня, а чловѣкъ золь ни креста ся боить» [Лаврентьевская летопись 2017, 185].

Мотив «зависти» в той или иной форме характерен практически для всех памятников борисоглебского цикла, включая гимнографию. И это закономерно: братья-мученики приняли смерть не за Христа, а *в последование Христу*, демонстрируя идею непротивления. Христос же, как следует из евангелий, был предан на казнь из зависти (Мф. 27:18; Мк. 15:10).

Стихи о Борисе и Глебе, войдя в мир эпической народной традиции, испытывали влияние исторических песен и баллад, в которых мотивировки поступка либо нет (как в балладе, где беспричинность зла — конститутивная особенность жанра), либо она не связана с мелкими личными чувствами (как в исторической песне, которая занята политически-

¹ «Завистью диавола вошла в мир смерть, и испытывают ее принадлежащие к уделу его» (Прем. 2: 24).

ми причинами действий своих героев). Отсутствие эпической формулы для выражения этой эмоции и привело к тому, что мотивировка преступления (с соответствующей книжной формулой «завистию уязвися» или «исполнился зависти») исчезла.

Но есть еще одна причина. И она представляется весьма существенной для объяснения функционирования темы зависти в фольклоре в целом. Слово «зависть» в русском языковом сознании — пример энантиосемии, т. е. в лексеме выделяется как положительное, так и отрицательное значение. Наиболее точно, на мой взгляд, эта особенность зафиксирована не в языковом словаре, а в философском справочном издании [НФЭ II, 32–33]². Автор словарной статьи, посвященной зависти, А. В. Прокофьев выделяет два аспекта, связанных с этим понятием: традиционное для языковых словарей «чувство досады и горечи, часто сопровождаемое желанием лишить объект зависти преимуществ»³; и соревновательную или подражательную зависть, субъект которой стремится «социально полезными способами обрести лелеемое благо»; в этом ряду так называемая «белая зависть» — форма признания высокого статуса объекта желания [Там же, 32].

Представленное на числовой оси, это чувство в своей характерности может стремиться к минусу (как эмоция отрицательная, «черная зависть») или к плюсу (как положительная эмоция, «белая зависть»). Данная математическая аналогия отражает существование разнообразных значений слова и его дериватов в языке и культуре. В первом случае это психологический негатив, прогрессирующий от легкого чувства досады до ненависти к объекту зависти. Во втором — речь идет о желании подражать успехам объекта или его внешним данным, признавая их достойными восхищения, что стимулирует

проявлять деятельную активность для достижения лелеемого блага.

Выделенные Прокофьевым значения соотносятся с данными исторических языковых словарей, в частности Словаря древнерусского языка, который, традиционно выделяя первое значение слова «Завидѣти» как обозначение психологического негатива, второе определяет как ‘подражать’ и дает следующие примеры: «Члвч(с)тво завидить ти и чѣстити та» (ζηλώση) (1296); «не ревнуимъ лукавнующимъ ни завидимъ же творачимъ безаконье» (ζηλοῦμεν) (XIV в.); «завиди же добры(м) злы(м) же не завиди» (XIV в.) [СДРЯ III, 286]. Второе значение слова «зависть» здесь тоже положительное — это ‘рвение, усердие’ с соответствующим примером: «Нестеръ исполниса бж(с)твьныя зависти» [Там же, 287].

Закономерно, что такое же значение для «Завидѣти» находится и в словаре языка XI–XVII вв.: ‘Усердно следовать кому-л.’ — с примером из памятника XVI в.: «Еже бо подражати и завидѣти поспѣшивымъ велика полза бываетъ хотящимъ къ врѣшению приити» (XVI в.) [СРЯ XI–XVII, V, 150]. Слово «завидный» в этом словаре дается только с положительной семантикой: ‘очень хороший, завидный’ [Там же].

Инерция положительного или нейтрального значения слова растянулась до XVIII в.: в соответствующем словаре «Завидѣть» как ‘следовать, подражать кому-л.’ дано со стилистическим маркером *слав.* [СРЯ XVIII, VII, 179], т. е. славянское по происхождению, «обычное в XVIII в. в произведениях высокого слога... и вносящее специфические формы экспрессивной оценки (возвышенность, торжественность и т. п.)» [СРЯ XVIII 1984, 36].

«Зависть», «завидовать», «завидный» в приведенных словарных примерах означают высокую степень качества, а субъект ориентируется на сравнение с

² Что само по себе закономерно: тема активно разрабатывалась философами уже начиная с Платона и Аристотеля. Об этом см.: [Согомонов 1990, 106–135].

³ «Зависть — чувство досады, раздражение, вызванное превосходством, успехом, благополучием другого». Здесь же устойчивое словосочетание «на зависть — так (такой), что можно позавидовать» [СРЯ I, 503], так же в 18-м издании словаря С. И. Ожегова [Ожегов 1987, 172].

божественным (т. е. идеальным, добрым) образом, при этом способ творения «по образу и подобию» находит вполне логичное следствие в призыве подражать Первообразу. Приведенные примеры в большинстве своем из переводных церковных памятников, в которых на славянский транслировались производные греческого глагола *ζηλώω* со следующими значениями: 1) соревноваться, усердно следовать, (стремиться) подражать. (Пример из Плутарха — *νέοις ζηλοτέον τοὺς γέροντας* — юноши должны подражать старикам); 2) ревностно добиваться, страстно стремиться; 3) относиться с восхищением, восхвалять, прославлять; 4) смотреть с завистью, завидовать.

С ним родственны, например: *ζηλωτής* 1) ревнитель, поклонник, ревностный последователь, приверженец, подражатель; 2) zelot, ревностный последователь Моисеева закона; и *ζηλωτός* 1) достойный зависти, завидный, внушающий зависть или желанный для кого-л.; завидный вследствие чего-л.; 2) достойный восхищения, счастливый [Дворецкий 1958, 734–735].

Как следует из словарных статей, у греков однозначно негативного значения этот корень не содержал. Оно появляется в новозаветных текстах (что закономерно при резко отрицательном отношении христианских апологетов к «зависти богов» и к языческому мировосприятию). Новое значение *ζήλος*, наряду с теми же, что и у И. Х. Дворецкого, фиксируется в словаре А. Д. Вейсмана: 1) рвение, со-

ревнование, стремление, подражание; 2) предмет соревнования, счастье, слава; 3) ревность, зависть; 4) гнев, негодование [Вейсман 1991, 577]⁴.

Основное значение греческого корня удержали дошедшие до нас переводные памятники XIII в., использующие общеславянское «завидѣти/завидовать», — они сохранили положительную (или нейтральную) семантику корня, которая существовала в славянском языковом пространстве (иначе переводчики не использовали бы соответствующие лексемы) и до сих пор имеется в русской культуре⁵.

Для русского речевого узуса привычны «завидный» в значении ‘очень хороший’ («завидный жених», «завидная участь», «завидная легкость») и, наоборот, «незавидный» — ‘достойный сожаления’ («незавидная доля», «незавидная жизнь», «незавидный результат»). А под сделанным «на зависть» мы все-таки понимаем высокую степень качества: «Исключительно, очень, весьма» [ФСРЛЯ 1995, 192]. Можно и испытывать незлобивую зависть к кому-то (разг. «Завидки берут!»), и проявлять сочувствие, говоря: «Тебе не позавидуешь», или отдавать должное успехам: «Тебе можно позавидовать!», и оценивать качества личности («И виден, да незавиден»), и «по-хорошему завидовать» [БАС VI, 81], и выражать восхищение («Как завиден дар музыки <...>!»⁶) и др.

Положительная семантика слов с этим корнем сохранилась в русских народных говорах. «Завистливый» (так же: «завист-

⁴ Греческий корень дал не только Зела (Зелоса) — божество зависти и ревности у древних греков, но и лежит в основе слова *зилоты*, т. е. ревностные приверженцы учения. Евангелие от Луки называет апостола Симона Зилотом (Лк. 6:15). Иными словами, положительное значение корня существовало в библейской традиции и славянским переводчикам было хорошо известно.

⁵ Греческое слово, наряду с другими (например, *φθόνος*), переводилось и как «зависть» в ее отрицательном значении: «и завидѣвъ [Каин] оуби брата своего Авела» [*ζηλώσας*] [СДРЯ III, 286]. Фтонос (*φθόνος*), как и Зелос, — божество у древних греков; со временем это божество превращается в демона, по своему статусу приближаясь к злобным подземным богам. Об этом см.: [Согомонов 1990, 111].

В Оксфордском греческо-английском словаре Лиддела и Скотта *ζήλος* (-εος) переводится как ‘усердное подражание’ (zealous imitation) или ‘соперничество’ (emulation) — благородная страсть (a noble passion), противоположная тем чувствам, которые обозначались словом *φθόνος* (envy). Но авторы отмечают и синонимичность этих греческих понятий, зафиксированную словарями, приводя соответствующие примеры [Liddell, Scott 1890, 634–635].

⁶ В. В. Виноградов цитирует дневник А. Н. Вульфа. См.: [Виноградов 1999, 890].

ный») со вторым значением 'усердный, старательный' фиксируется как областное в академическом словаре [БАС VI, 84]. В. И. Даль в словарном гнезде «завидовать» приводит словосочетание *зависной работник* со значениями 'ражий, рьяный' (в курских говорах) и 'безстужий, как бы завистливый на работу' (в северных) [Даль I, 560]⁷. В Жиздринском Полесье в причитании то же значение: «Патиряли мы тебе, батюшка радиминький, работы были наши ручишки, зависны были глазунки!» [Добровольский 1899, 4]. В говорах Карелии одно из значений прилагательного «завидный» — 'любящий дело, работу' — с примером: «Завидный он на работу» [СРГК II, 96]. В былинах из собрания П. В. Киреевского «завидные» — 'пристрастные к' или 'рьяные до': «мужики новгородчана / На питье они были завидные. <...> Насобирали они хлеба семнадцать мер / Накурили они зелена вина» («Василий Буслаев») [Киреевский 1863, 4, 9]. В песнях с. Шаблыкино Орловской губ. «завистный» («призавистный») имеет значение 'соревновательный', 'состязательный' (парень поет: «У деревиньку жить попал. / У деревни мужики дураки: / Призавистны у поли работать, — / Аны дружки перед дружкой» [Добровольский 1905, 409]). В Кемеровской обл. у слова «Зависть» зафиксировано значение 'желание' («До войны люди работали с завистью») — по-видимому, то же 'рвение'; в Томской обл. у «завидовать» — значение 'радоваться' — с примером: «Как тянешь рыбу оттуда, аж душа радоваться. Даже завидовашь чужим уловам, не то что своим». «Завидуший» в Бурятии — 'с увлечением отдающийся занятию, делу и т. п., жадный (на работу)' [СРГК I, 153–154]. Во владимирских говорах «завидуший» — 'привлекательный' с пословицей в качестве примера: «Завидуши семяны в поле — горох да репа, в народе — вдова да девка» [СРНГ IX, 315]. Словарь указывает на разнообразие значений дериватов производящей основы завис-/завид-. В словарном гнезде

«Завистной, завистный, завистный» выделяется 6 значений: 1. Завистливый (повсеместно). 2. Жадный (Калуж., Псков., Смолен., Терск.). 3. Старательный, усердный, трудолюбивый (Тамб., Курск., Воронеж, Ряз., Орл.). 4. Заботливый, хлопотливый (Тамб.). 5. Завистный = завидный (Петерб.). 6. Такой, который увлекает, вызывает азарт (Ряз.) [Там же, 318]. Зафиксировавший рязанские словоупотребления словарь дает только положительные значения «зависти»: «1. Трудолюбие, желание работать. У него зависть есть, а у нас лени много (Ряз.). 2. Склонность к чему-либо (к выполнению какой-либо работы, к каким-либо занятиям). А другой будет спать. Да, зависть на спанье» (Ряз.). [Там же]. И т. д.

Положительная или нейтральная семантика слова «завидовать» широко представлена в обрядовом фольклоре. О зависти молодцу речь идет в Пустозерском виноградьё:

Виноградьё краснó зеленоё,
Как во далече, далече во чистом поли, <...>
Как ищэ того подальг во раздолычи,
Как во этом во храму со слезами богомолец
Богомолец Микулай-от Иванович, <...>
Ищэ вси ему бояра дивовались молодцу,
Да всё дружья, братья хресёна
позавидовали...

[Ончуков 1907, 106, № 23].

П. В. Киреевский включил в свое собрание «Песню поздравительную о святках» из «Московского сборника» 1852 г.:

Во соборе у Михайла Архангела <...>
Незнакомый молодец Богу молится <...>
Еще князя, бояре дивовались молодцу,
Еще гости торговые позавидовали:
«Не заря ль тебя, молодец, породила?
<...>»

[Киреевский 1911, № 1044]. (Тот же текст: [Соболевский III, № 237]; варианты: [Истомин, Дютш 1894, 128–129, 129–130, № 20, 21 («Виногради»); Песни Печоры 1963, № 300⁸]).

⁷ См. также: «завистной земледелец» со значением 'деятельный' [Резанова 1902, 108].

⁸ Здесь ее пели как величальную свадебную.

Пристальное внимание к недопущению зависти и сглаза в таком «охраняемом» обряде, как свадьба (известно множество заговоров, направленных против зависти и сглаза, произносимых свадебным дружкой), парадоксально высвечивает тот факт, что сама зависть очень частотна в свадебной поэзии.

В Сольвычегодском уезде во время сватовства в обряде опевания девушкам — подружкам невесты — пелось:

<...> Я тебе, сиза голубушка,
Я тебе сиза, позавидую
Твоему росту дороднеству.

Менее счастливым — песни такого содержания:

Я тебе в том, подруженька,
Не позавидую,
Твоему житью красованью:
Да ты живешь, не красуешься
Без родимья матушки (*если нет матери*)
Без родимого батюшки (*если нет отца*).
[Ордин 1896, 75–76 («Красота́ ли моя, красота...»)].

На пошехонской свадьбе невеста благодарит своих родителей в том числе за нарядные платья:

<...> Уж как клали, сударь-кормилец-
батюшка и родимая моя матушка,
На меня да платье цветное,
Не жалели да золотой казны —
Наклали да платьё цветное
На завидость людям добрым,
На издивушку да милым подруженькам.
<...>
Завидовали мне мои подруженьки:
«Ты какая, наша голубушка,
Счастливая зародилась у своего
кормильца-батюшка,
Не жалел же он золотой казны»

[Ильинский 1896, 229–230, № XV («Уж как стать мне, молодёхоньке...»)].

Во время свадебного пира в Тверской губернии женщины величают молодую пару или женатых гостей:

У голуба, голуба золотая голова.
У голубки, у голубки шейка ряженая,
разукрашенная.

Приходил к нему товарищ и завидовал ему:
Кабы мне, молодцу, молода твоя жена.
Я по летам, по летам на коляске катал,
Я по зимам, по зимам на кленовых санях,
На ямских лошадях⁹...

[Соколов, Рожнова 2003, № 295. Аналог: № 103, 294, 296].

П. В. Киреевский в Вере́йском уезде Московской губернии записал подобный же текст:

Весел сидит Сергей Михайлович.
Как же ему не веселу быть?
Бог даровал ему суженую, <...>
Все братцы товарищи позавидовали...

[Киреевский 1911, № 286 («Светло светит месяц из-за облака...»)]¹⁰.

Слова «завидовать» и его производные сопровождают разные этапы свадебного обряда в Московской, Калужской, Рязанской, Воронежской, Тульской, Тверской, Ярославской, Новгородской, Псковской, Вологодской, Пермской, Томской, Архангельской губерниях и на Печоре.

Свадьба, как известно, обряд, где происходит перераспределение доли, изменение судьбы. Лексико-грамматическое значение «зависти» в свадебных текстах и некоторых других обрядах (совершенно ином, чем повседневность, культурном регистре) — это выражение оптативной модальности («Я хотел бы... / хотела бы быть как ты, иметь то же, что ты...»), что

⁹ В Тульской губ. ее вариант исполняли в качестве святочной. См.: [Киреевский 1911, № 1045]. В Томской губ. в начале XX в. ряженные на святках, обходя дома, пели такой же текст: «У кого у нас, у кого у нас / Молодая жена? / У Прохора у Григорьевича... / Ему добрые люди позавидовали...» [Жекулина, Розов, № 252 (2)].

¹⁰ О зависти к жениху или невесте см. также перепечатанные из Глазуновского песенника (1819) тексты [Киреевский 1911, № 1015, 1027].

указывает на высокие достоинства величаемого. Культурное — связано с магическими функциями обряда — с его имитативной, реализующей закон подобия, задачей и заклинательной функцией слова.

Итак, положительная семантика слов с производящей основой завид-/завис-устойчиво существует в народных языках (диалектах и говорах), отражаясь в фольклоре, сохранившем реликты языческого мировоззрения. Возвращаясь к сюжету о Борисе и Глебе, можем заключить: нежелание певца связывать злодеяние Святополка с завистью имеет основанием, помимо указанной ранее причины, и особенности функционирования лексем «зависть», «завидовать», «завидный» в народной культуре.

Причина убийства святых братьев, согласно народной интерпретации, — сумасшествие Святополка и его злоба, и именно последнее понятие постоянно сопровождает убийцу: «злодей-варвар» [Бессонов 1861–1864, № 140]; «злодей» [Там же, № 141, 146; Марков 2002, № 131]; «злой-ненавистный» [Бессонов 1861–1864, № 143]; «ненавистный-злой» [Там же, № 140, 142, 145]; «злой» [Марков 2002, № 131; Соколовы 2007, № 17]; «злой был ненавистник супостат» [Петрова 1998, № 20]; «садился злой на добрый конь» [Бессонов 1861–1864, № 142]; «злыми словами намекает», «злоумышление на них помышляет» [Там же, № 143]; его письмо братьям — «злописание» [Там же, № 140, 142, 146]; в белорусской версии:

Ня ўстрэў их ён с хлѣбам-с сольлю,
А ўстрэў их ён со ўсёю злосьцю
[Романов 1891, 339, № 20].

В этой связи стоит вспомнить сказку о мачехе и падчерице (СУС 480), где зависть играет важную сюжетобразующую роль. По моим наблюдениям, лексема «зависть» и родственные ей встречаются не так часто, как ожидалось. Из 87 текстов, представленных в сборнике сказок Е. И. Лутовиновой [Лутовинова 1993], они фигурируют только в пятнадцати.

Есть и описательные конструкции: при виде полученного падчерицей добра у мачехи «аж сердце зашлось» [Там же, 32] или «ну она начала ругаться» [Там же, 49]. Но чаще причиной бездушного отношения к падчерице или к сводной сестре прямо называются только злость и жадность: «злая и своенравная была старуха» [Там же, 77], «почернела старуха от злости» [Там же, 74], старухина дочка описана как «очень злая и жадная» [Там же, 82] и др.

В сказке мы видим сходную с духовной поэзией ситуацию. Таким образом, стихи, вводя историю о Борисе и Глебе в мир народной культуры, меняют акценты, усваивая из летописной версии сюжета только мотив злобы. Не зависть сама по себе, т. е. желание получить то, что есть у другого, а пути достижения цели — низкие моральные качества Святополка, объединенные в понятие «зло», приводят к трагедии.

Закономерен в свете изложенного о специфике значения слов «завидовать», «зависть» и однокоренных и тот факт, что среди множества стихов о Страшном Суде, где перечисляются грешники, отправляющиеся в ад, вариант «Да воскреснет Бог», значащийся у П. А. Бессонова под № 498, едва ли не единственный, в котором упоминаются завистники: быть «ростовщикам-завищикам, / Клеветникам и язычникам / За языки повишоны / На крюки горячие, / На древа калёные» (Олонечкая губ.). При этом наказание касается все-таки клеветников и сплетников. Зависть в некоторых сюжетах рассматривается как предвестница второго пришествия Иисуса: «Тогда будет кончина века сего / И пришествие мое на землю, / Когда будет мерзость / И запустение веле в человецех, / Ненависть в роде сем, / Друг другу завидовать начнут, / И брат брата возненавидит...». Здесь же — метафора вселенской катастрофы: «И живые мертвым позавидуют» («Перед вторым пришествием Христа» [Селиванов 2004, № 102]).

«Зависть» частотна в стихе «Плач Адама». Духовные стихи на этот сюжет восходят к покаянному (включен в древнерусский сборник 1470 г. [Петрова, Серегина 1988, 135, № 122 (43); Словарь

книжников 1989, 421]). И хотя Г. П. Федотов определяет стих как «недостаточно народный» [Федотов 1991, 83], в процессе бытования он, безусловно, подвергался влиянию фольклорной стихии. «Зависть» и однокоренные перечисляются в ряду других грехов-«сует» («Гордость наша, завидость, богатство, слава...» [Бессонов 1861–1864, № 649]). Но в стихах об Адаме нет прямого осуждения зависти — присутствует, скорее, порицание жадности, которое стоит рядом с евангельским призывом помогать неимущим, кормить алчных и поить жаждущих: «Покинем мы гордость, и зависть, и скупость, / Возлюбим мы нищих и Божию правду...» [Там же, № 635]. Иными словами, стих со временем соединяет ветхозаветный сюжет с евангельскими идеями и входит в репертуар калек переходящих, интегрируясь тематически со стихами о Вознесении и двух Лазарях.

В стихах этой группы регулярно повторяется мотив «Очи наши ямы, руце наши грабли: Что очи завидят, то руце заграбят» [Там же, № 635–641, 649, 650–653, 658–664], с течением времени преобразованный в формулу «очи завидуши, руки загребуши», которая встречается не только в духовных стихах, но и входит в пословичный фонд, подчеркивая связь зависти и жадности [Даль 1994, 421]; активно функционирует в приговорах дружки [Крашенинникова 2021, 203], в свадебной лирике [Савушкина 1980, № 60; аналог. № 82], в былинах [Свод III, № 33, ст. 22–23; № 64, ст. 92–93], в детском фольклоре [Новицкая, Райкова 2002, 344, № 147]. Трактовка зависти как следствия сребролюбия характерна для православной традиции [НФЭ II, 32], поэтому такое объединение не случайно. Г. П. Федотов особо останавливается на грехе жадности, которая, по его словам, «глубоко противна нравственному чувству народа» [Федотов 1991, 90]. Он называет этот порок «грехом против равенства, к которому народ столь чувствителен» [Там же].

Жадность и лень провоцируют зависть — это мнение «Стих о лени» [Селиванов 2004, № 67] приписывает

Иоанну Златоусту. Текст так и начинается: «Слово Иоанна Златоустого». Отсылка свидетельствует о тех источниках, на которые опирались составители стихов, — святоотеческая книжность. Худшим из всех человеческих пороков великий проповедник считал зависть: «Зависть — такой порок, что хуже его нет никакого другого» [Златоуст 2004, 606], приводя ряд убедительных примеров в доказательство своего тезиса. Но его обличение, конечно, касалось деструктивной зависти, дьявольской страсти («Но такова зависть: она не может равнодушно видеть успеха других, а считает благополучие ближнего собственным несчастьем и изводитися благами ближнего» [Там же, 610]).

Стихи, войдя в мир народной культуры, снимали проповедническую напряженность и однозначность порицания этой эмоции, частично устраняя книжные мотивы зависти из устных текстов («Стих о Борисе и Глебе») или рассматривая ее как банальную, присущую человеку со времен грехопадения Адама жадность («Плач Адама»). В остальных перечисленных или не привлеченных к анализу сюжетах зависть не стала устойчивым элементом, она лишь изредка упоминается как наказуемый адом грех или предвестник Второго пришествия, а антитеза ей употребляется в силлабических виршах: «Торжествуйте, человецы, / Плетут нам златые венцы, / Очевидно, независтно» [Бессонов 1861–1864, № 281]. Показательно, что зависть не фигурирует в стихе об Иосифе и его братьях (из собрания Бессонова), хотя она является сюжетно необходимым элементом: в церковнославянском тексте «Бытия» братья «возненавидѣша его» (Быт. 37:4), «позавидѣша же ему» (Быт. 37:11), в русском — в последнем случае «братья его досадовали» на Иосифа. В стихах «свирипо оны на Осипа взирали / Все оны зубами скрежетали» [Там же, № 37], «свирипо на Иосифа взирают, / Хотят же Иосифа убить» [Там же, № 38], «и его братие возненавидели, / Яко волци свирипии» [Там же, 39].

Духовные стихи, подчиняясь нормам фольклорной этики, казалось бы, мало за-

ботятся о существовании такого греха, как зависть: ее структурное место занимают злоба и жадность. Причиной тому является оценка самой эмоции в народной культуре, описанная еще Аристотелем, который «включал зависть, наряду со страхом, гневом и пр., в число этически нейтральных естественных страстей. Пороком в собственном смысле он считал не зависть, а завистливость — склад души, при котором огорчает благоденствие любого человека, независимо от того, заслуженно оно или нет» [НФЭ II, 32]. С этой двойственностью связано и наличие положительной семантики соответствующих лексем в языке, и низкая частотность их по этой причине в текстах духовных стихов.

Если обратиться к анализу литературных виршей первой половины XVII в. [Былинин, Илюшин 1989], то обнаружится совершенно иная закономерность. Мотив зависти здесь очень популярен. Будучи людьми книжной культуры, авторы виршей (а многие из них служили в Книжной справе или были связаны со справщиками) были хорошо осведомлены в актуальных духовных проблемах своего времени (времени деятельности ревнителей нравственных устоев и благочестия), которые они, вдохновленные трудами Отцов Церкви, и выносили для обсуждения в своих стихотворных посланиях друзьям, соратникам, ученикам. Противопоставляя добро и зло, праведников и грешников, они не забывали в ряду грехов помянуть зависть («Упражняйся от клеветы, от зависти, от мзды, от грабления, / От пьянства и от резоимания, от корчемного прикупления» [Там же, 35]; «...О зависти, о лсти, о убивстве, о лжи смирися и постися» [Там же, 349]). Она проистекает от неправильного образа жизни — стремления к роскоши, пренебрежения святыми книгами — «оттоле гордыня зависти» [Там же, 371]. Михаил Злобин (поэт из приказных) определяет современное ему значение слова «зависец» (завистник): «Ненавистником бо и зависцом не своя им злая зла, / но чужая благая, та им паче ударенного жезла» [Там же, 221]. Поэты вдохновлялись не только свя-

тоотеческими обличениями зависти, но и собственным опытом. Семен Шаховской, жертва различных интриг, в «Послании Д. М. Пожарскому» пишет: «...никако же от зла отвращаемся, / Но и паче друг на друга, аки враг на врага, завистию вооружаемся» [Там же, 84]. Начальник ряда московских приказов князь Борис Репнин-Оболенский сетует в своем «Казании о человеческой жизни...»: «Видех днесь и утро окаянную свою душу честию облагаему, от неких же лестию и завистию, и ложными словесы облыгаему» [Там же, 114]). И многие другие (см.: [Там же, 116, 123, 128, 163, 190, 197, 198, 221]). Тема осуждения зависти как абстрактного греха становится личной темой поэта. В народных же стихах она не популярна.

Подводя итог небольшому исследованию, отмечу: в духовных стихах нет архаического значения лексемы «завидовать» ('подражать' или 'усердно следовать'). Семантика их вполне современная — испытывать чувство досады, доходящее до ненависти, или же зависть связывается с жадностью. Свою роль в поляризации значения сыграли книжные источники сюжетов стихов и господствующее в Церкви резко отрицательное отношение к самой эмоции. Контекстными синонимами или (часто) эквивалентами «зависти» являются слова «зло», «злоба», «ненависть», «жадность», что связано с осторожным оперированием понятиями «зависть», «завидовать» в силу их исторически сложившейся многозначности или даже энантиосемичности в народной культуре и со стремлением к большей определенности в окраске эмоции.

Это наблюдение позволяет сделать заключение: пресловутое *народное двоеверие* можно экстраполировать на ситуации в книжно-культурной среде. Исповедуя святоотеческий взгляд на зависть как смертный грех, она некритично заимствовала положительные значения греческих лексем, связанных с ζήλος, транслируя их на славянский как «завидовать», «зависть» и др., языческая предыстория которых порождала двусмысленность и неопределенность в использовании. И если народная

культура либо избегала употребления слова, либо заменяла или дополняла его лексемами «зло» и «жадность», которые однозначно окрашивали эту эмоцию, то книжная решила вопрос по-иному: оцениваемая как абсолютное зло «зависть» (что нашло отражение в словарях литературного языка) тем не менее активно используется для выражения симпатии, восхищения, восторга, по-видимому, подсознательно маркируясь носителями языка как слово с переносным значением, метафора. Более того, современные словари, учитывая сложившийся уzus, включа-

ют «белую зависть» в соответствующую статью (см., например: [БАС VI, 85; АСРЯ 2017, 464]), тем самым снимая амартологическую коннотацию с понятия.

Результаты сравнения книжной и устной версий духовных стихов, с чего началось выяснение особенностей функционирования исследованных слов, позволяют говорить об асимметрии развития народной и книжной культур и более чутком словоупотреблении проанализированных лексических единиц в фольклоре, чем в среде носителей литературной нормы.

Источники и материалы

АСРЯ 2017 — Активный словарь русского языка / Российская академия наук, Ин-т русского яз. им. В. В. Виноградова; Отв. ред. Ю. Д. Апресян. Т. 3. М.; СПб.: Нестор-История, 2017.

БАС VI — Большой академический словарь русского языка / Рос. академия наук, Ин-т лингвист. исслед.; [Гл. ред. К. С. Горбачевич]. Т. 6. М.; СПб.: Наука, 2006.

Бессонов 1861–1864 — Калѣки перехожие: Сб. стихов и исследование П. Бессонова: (В 2-х ч., 6-й вып.). М: В типогр. А. Семена, 1861–1864.

Былинин, Илюшин 1989 — Виршевая поэзия (первая половина XVII в.) / Сост., подгот. текстов, вступ. ст. и коммент. В. К. Былинина, А. А. Илюшина. М.: Сов. Россия, 1989. (Сокровища древнерусской литературы).

Вейсман 1991 — Вейсман А. Д. Греческо-русский словарь. М.: Греко-латинский кабинет Ю. А. Шичалина, 1991. (Репр. воспр. изд. 1899 г.).

Даль 1994 — Даль В. И. Пословицы русского народа. М.: ННН, 1994.

Даль I — Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. Т. I. М.: Рус. язык, 1989. (Репр. воспр. изд. 1880 г.).

Дворецкий 1958 — Древнегреческо-русский словарь: В 2 т. / Сост. И. Х. Дворецкий; Под ред. С. И. Соболевского. М.: Гос. изд-во иностранных и национальных словарей, 1958.

Добровольский 1899 — Добровольский В. Н. Рассказы из жизни Палех Жиздринского Полесья // Живая старина. 1899. № 2.

Добровольский 1905 — Добровольский В. Н. Песни Дмитровского уезда Орловской губернии, записанные В. Н. Добровольским // Живая старина. 1905. Вып. III–IV.

Жекулина, Розов 1989 — Обрядовая поэзия / Сост., предисл., прим., подгот. текстов В. И. Жекулиной, А. Н. Розова. М.: Современник, 1989.

Златоуст 2004 — Иоанн Златоуст. Слово XVII. О зависти // Полное собрание сочинений св. Иоанна Златоуста: В 12 т. Т. 12. Кн. 2. М.: Радонеж. Православное братство, 2004. (Репр. воспр. изд. Санкт-Петербургской духовной академии 1906 г.).

Ильинский 1896 — Ильинский Я. Свадебные причеты, детские песни и пр., записанные в Щетинской, Хмелевской и Меленковской волостях Пошехонского уезда // Живая старина. 1896. № 2.

Истомин, Дютш 1894 — Песни русского народа. Собраны в губерниях Архангельской и Олонецкой в 1886 г. Записали Ф. М. Истомин, Г. О. Дютш. СПб.: Тип. Э. Арнольда, 1894.

Киреевский 1863 — Песни, собранные П. В. Киреевским. Изданы Обществом любителей российской словесности. Ч. 2. Вып. 5: Песни былевые. М.: В тип. Бахметева, 1863.

Киреевский 1911 — Песни, собранные П. В. Киреевским: Новая серия / Под ред. В. Ф. Миллера и М. Н. Сперанского. Вып. 1, 2. Изданы Обществом любителей российской словесности при Московском университете под ред. В. Ф. Миллера и М. Н. Сперанского. М.: Печатня А. И. Снегиревой, 1911.

Крашенинникова 2021 — Русские свадебные приговоры в архивных коллекциях XIX — первой трети XX в. / Сост., вступ. ст., подгот. текстов, коммент. Ю. А. Крашенинниковой. М.: Индрик, 2021.

Лаврентьевская летопись 2017 — Лаврентьевская летопись: Текст. Перевод. Исследования / Подгот. текста, пер. и иссл. Г. М. Прохорова. СПб.: Росток, 2017.

Лутовинова 1993 — Русские народные сказки о мачехе и падчерице / Сост., вступ. ст. и прил. Е. И. Лутовиновой. Новосибирск: Наука. Сиб. изд. фирма, 1993.

Марков 2002 — Беломорские старины и духовные стихи. Собрание А. В. Маркова / Отв. ред. Т. Г. Иванова. СПб.: Дмитрий Буланин, 2002.

Новицкая, Райкова 2002 — Детский фольклор / Сост., вступ. ст., подгот. текстов и коммент. М. Ю. Новицкой и И. Н. Райковой. М.: Рус. книга, 2002. (Б-ка русского фольклора; Т. 13).

НФЭ II — Новая философская энциклопедия: В 4 т. Т. 2 / Рук. проекта В. С. Степин, Г. Ю. Семигин. М.: Мысль, 2010.

Ожегов 1987 — Ожегов С. И. Словарь русского языка. Ок. 57000 слов / Под ред. Ю. Н. Шведовой. 18-е изд., стереотип. М.: Рус. язык, 1987.

Ончуков 1907 — Ончуков Н. Е. Печорские стихи и песни // Живая старина. 1907. Вып. 4.

Ордин 1896 — Ордин Н. Г. Свадьба в подгородных волостях Сольвычегодского уезда // Живая старина. 1896. № 1.

Песни Печоры 1963 — Песни Печоры / Изд. подгот. Н. П. Колпакова, Ф. В. Соколов, Б. М. Добровольский. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1963.

Петрова 1998 — Духовные стихи Обонежья: (По материалам экспедиций 1926–1932 гг.) / Публикация Л. И. Петровой // Из истории русской фольклористики. СПб.: Дмитрий Буланин, 1998. С. 439–491.

Петрова, Серегина 1988 — Ранняя русская лирика: Репертуарный справочник музыкально-поэтических текстов XV–XVII веков / Сост. Л. А. Петрова, Н. С. Серегина / Под ред. А. А. Амосова, Г. М. Прохорова. Л.: Изд. отд. Библиотеки Академии наук СССР, 1988.

Резанова 1902 — Этнографические материалы, собранные Е. И. Резановой (д. Саломыкова Обоянского уезда Курской губ.) // Курский сборник. Вып. 3. Ч. 2 / Подгот. к печати В. И. Резанов. Курск: Тип. Губ. правления, 1902.

Романов 1891 — Белорусский сборник. Вып. V: Заговоры, апокрифы и духовные стихи. Собрал Е. Р. Романов. Витебск: Типо-литогр. Г. А. Малкина, 1891.

Савушкина 1980 — Обрядовая поэзия Пинежья: материалы фольклорной экспедиции МГУ в Пинежский район Архангельской области (1970–1972) / Под ред. Н. И. Савушкиной. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1980.

Свод III — Былины. Свод русского фольклора: В 25 т. Т. 3: Север Европейской России. Былины Мезени / Под ред. Б. Н. Путилова (гл. ред.) и др.; [Подгот. А. А. Горелов]. М.; СПб.: Наука, 2003.

СДРЯ III — Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.): (Многотомник) / Гл. ред. чл.-корр. Р. И. Аванесов. Т. III. М.: Рус. яз., 1990.

Селиванов 2004 — Народные духовные стихи / Сост., вступ. ст., подгот. текстов и коммент. Ф. М. Селиванова. М.: Рус. книга, 2004. № 102. (Б-ка русского фольклора; Т. 14).

Словарь книжников 1989 — Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 2 (вторая половина XIV–XVI в.). Ч. 2 / Отв. ред. Д. С. Лихачев. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1989.

Соболевский III — Великорусские народные песни. Изданы А. И. Соболевским. Т. III. СПб.: Гос. типография, 1897.

Соколов, Рожнова 2003 — Фольклор Тверской губернии: Сборник Ю. М. Соколова и М. Н. Рожновой. 1919–1926 / Подгот. И. Е. Иванова, М. В. Строганов. СПб.: Наука, 2003.

Соколовы 2007 — Неизданные материалы экспедиций Б. М. и Ю. М. Соколовых: 1926–1928: по следам Рыбникова и Гильфердинга: В 2 т. Т. 1: Эпическая поэзия / Сост. В. А. Бахтина. [Отв. ред. В. М. Гацак]. М.: Наука, 2007.

СРГК II — Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей. Вып. 2 / Гл. ред. А. С. Герд. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1995.

СРГС I — Словарь русских говоров Сибири. Т. I. Ч. 2 / Отв. ред. А. И. Федоров. Новосибирск: Изд-во СО РАН, Науч.-изд. центр ОИГГМ СО РАН, 1999.

СРНГ IX — Словарь русских народных говоров / Гл. ред. Ф. П. Филин. Вып. 9: Ерепня — Заглазеться. Л.: Наука, 1972.

СРЯ I — Словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. А. П. Евгеньевой. 2-е изд., испр. и доп. М.: Рус. яз., 1981.

СРЯ XI–XVII, V — Словарь русского языка XI–XVII вв. / АН СССР, Ин-т рус. яз.; Редкол. С. Г. Бархударов (отв. ред.) и др. Т. V. М.: Наука, 1978.

СРЯ XVIII 1984 — Словарь русского языка XVIII века: Правила пользования словарем. Указатель источников. Л.: Наука, 1984.

СРЯ XVIII, VII — Словарь русского языка XVIII века. Вып. 7 / Гл. ред. Ю. С. Сорокин. СПб.: Наука, 1992.

ФСРЛЯ 1995 — Фразеологический словарь русского литературного языка конца XVIII–XX вв. / Под ред. д. филол. н. А. И. Федорова. М.: Топикал, 1995.

Liddell, Scott 1890 — A Greek-English Lexicon / Comp. by H. G. Liddell, R. Scott. 7th ed. Oxford, 1890. P. 634–635.

Исследования

Виноградов 1999 — Виноградов В. В. История слов / Отв. ред. Н. Ю. Шведова. М.: ИРЯ им. В. В. Виноградова РАН, 1999.

Иванова 2019 — Иванова М. Г. Покаянный стих в честь святых благоверных князей Бориса и Глеба // Университетский научный журнал. Филологические и исторические науки, археология и искусствоведение. 2019. № 49. С. 92–104.

Серегина 1994 — Серегина Н. С. Песнопения русским святым. По материалам рукописей певческой книги XI–XIX «Стихирарь месячный». СПб.: ИРИИ, 1994.

Согомонов 1990 — Согомонов А. Ю. Феноменология зависти в Древней Греции // Этическая мысль: научно-публицистические чтения / Гл. ред. А. А. Гусейнов. М.: Изд-во полит. лит., 1990. С. 106–135.

Федотов 1991 — Федотов Г. П. Стихи духовные: (Русская народная вера по духовным стихам) / Вступ. ст. Н. И. Толстого; Послел. С. Е. Никитиной; Подгот. текста и коммент. А. Л. Топоркова. М.: Прогресс: Гнозис, 1991.

Хлыбова 2004 — Хлыбова Т. В. Духовный стих о Борисе и Глебе: интерпретация исторического факта // Традиционная культура. 2004. № 1. С. 18–25.

© Т. В. Хлыбова, 2026

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Хлыбова Т. В. <https://orcid.org/0000-0001-5895-3400>

Кандидат филологических наук, независимый исследователь:
Российская Федерация, г. Москва; e-mail: tkhlybova@yandex.ru

The Concept of Envy and Its Functioning in Spiritual Verses

Taisiya V. Khlybova

(Independent researcher: Russian Federation, Moscow)

Summary. *The concept of “envy” in spiritual poetry — a special genre system of Russian folklore — has some peculiarities of function which becomes obvious when comparing this poetry with other folk-art creations, everyday speech recorded in dictionaries, and bookish literature. Thus the written and oral versions of the spiritual verse about Boris and Gleb have a different perspective on the motif of envy as the reason for Svyatopolk’s killing of the holy brothers. The written ones use the vocabulary and phraseology of envy (“envy,” “filled with envy,” “vulnerable to envy”), while the oral versions replace it with “evil,” “malice,” “anger.” The reasons for this discrepancy are clarified in the article. The author sees them, firstly, as influenced by historical songs and ballads, that either dispose of their characters’ motivations or reiterating the political reasons for their actions. Secondly, the reason relates to the specifics of the use of lexemes “to envy,” and “envy” in Russian folk culture, which have retained an archaic connection with the ideas of imitation and diligence. The latter circumstance influenced their representation in the entire corpus of folk spiritual poetry. The positive semantics of words with this root prevented their active use to denote negativity in folklore texts and provoked the use of other words for this purpose, thus labeling unambiguously destructive emotions “anger” and “greed.”*

Key words: spiritual poems, plot about Boris and Gleb, ritual poetry, “envy,” “malice.”

Received: March 10, 2026

Date of publication: June 30, 2026.

For citation: Khlybova T. V. The Concept of Envy in Spiritual Verses and Its Functioning. *Traditional Culture*. 2026. Vol. 27. No. 2. Pp. 82–94. In Russian.

DOI: <https://doi.org/10.26158/TK.2026.27.2.006>

References

Fedotov G. P. (1991) Stikhi dukhovnye (Russkaya narodnaya vera po dukhovnym stikham) [Spiritual poems (Russian Folk Faith Based on Spiritual Verses)]. Intr. by N. I. Tolstoy; afterword by S. E. Nikitina; text prep. and comm. by A. L. Toporkov. Moscow: Progress, Gnosis. In Russian.

Ivanova M. G. (2019) Pokayannyi stikh v chest' svyatykh blagovernnykh knyazei Borisa i Gleba [Penitential Verse in Honor of the Holy Princes Boris and Gleb]. *Universitetskii nauchnyi zhurnal. Filologicheskie i istoricheskie nauki, arkhologiiya i iskusstvovedenie* [University Scholarly Journal. Philological and Historical Sciences, Archeology, and Art History]. 2019. No. 49. Pp. 92–93. In Russian.

Khlybova T. V. (2004) Dukhovnyi stikh o Borise i Glebe: interpretatsiya istoricheskogo fakta [The Spiritual Verse about Boris and Gleb: Interpretation of a Historical Fact]. *Traditsionnaya*

kul'tura [Traditional Culture]. 2004. No. 1. Pp. 18–25. In Russian.

Seregina N. S. (1994) Pesnopeniya russkim svyatym. Po materialam rukopisei pevcheskoi knigi XI–XIX «Stikhirar' mesyachnyi» [Hymns to Russian Saints. Based on Manuscripts of the Hymnal Books XI–XIX of the “Monthly Stikhirar’”]. St. Petersburg: RIII. In Russian.

Sogomonov A. Ju. (1990) Fenomenologiya zavisti v Drevnei Gretsii [The Phenomenology of Envy in Ancient Greece]. In: *Eticheskaya mysl': nauchno-publitsisticheskie chteniya* [Ethical Thought: Scientific and Journalistic Readings]. Ed. by A. A. Guseinov. Moscow: Izd-vo politicheskoi literatury. Pp. 106–135. In Russian.

Vinogradov V. V. (1999) Istoriya slov [The History of Words]. Ed. by N. Y. Shvedov. Moscow: IRYa im. V. V. Vinogradova RAN. In Russian.

© T. V. Khlybova, 2026

ABOUT THE AUTHOR

Taisiya V. Khlybova <https://orcid.org/0000-0001-5895-3400>

E-mail: tkhlybova@yandex.ru

Moscow, Russian Federation

PhD in Philology, Independent Researcher

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution 4.0 International (CC BY4.0)